

Роберт ВИНОНЕН

Финляндия



Первый живой поэт, кого я встретил на пороге жизни, был Владимир Морозов. Живой – это в смысле настоящий, печатающийся, иначе говоря, профессионал. Выпускник Московского Литературного института, в конце пятидесятых он вёл литобъединение при комсомольской газете. Город Петрозаводск был небеден поэтами – подъём популярности поэзии начинался по всей стране. И вот читаю: «Приглашаются начинающие...» Какое-то время побродив нерешительно вокруг здания обкома, отважился.

Не скажу, что сразу понял и оценил своеобразие стихов Морозова. Он читал хорошо, и не только свои произведения, но и других поэтов. Впечатлили в его исполнении, например, «Зодчие» Дм. Кедрина. Много чего мне, семнадцатилетнему токарю Онежского тракторного завода, довелось услышать впервые. Со страниц «могучего оружия нашей партии» – печати – вычитывалось совсем не то. Можно усмотреть в морозовской демонстрации педагогический приём мастера, но в любом случае то была прививка настоящего вкуса и просто любви к поэтическому слову.

В числе слушателей находились Эрик Тулин, Елена Николаева, Виктор Сергин, ставшие потом известными в Карелии поэтами. Не знаю, куда девался Сергей Штейнберг, где и почему угас ярко вспыхнувший талант Фридриха Хямяляйна. А некий Кузнецов был уличён в регулярном плагиате; так сказать, в особо крупных размерах. Все были весьма красноречивы. Я же сидел набрав в рот воды, боялся сморозить глупость, да и вправду был профаном. Первые стишки тиснул в заводской многотиражке «Онежец». Слава богу, никто их се-

годня не съест и не прочтёт. Одна строка, правда, самому втемяшилась в память: «Повсюду, где трудно, идут коммунисты». Смысл тех высокоидейных откровений сегодня можно выразить точнее: там, где коммунисты, везде трудности.

Были и у Морозова продиктованные временем гражданские мотивы. Не у него ли я и позаимствовал вышеприведённый опус, из его поэмы «Встречи на сплавной реке»?

*Там, где трудно и мало народа, –
Там всегда впереди комсомол.*

Надо помнить, что без таких дежурных реверансов нечего было и думать о печатной странице. В то же время всё писалось вполне искренне. Особенно Морозова, двадцатипятилетнего в ту пору поэта, низкопоклонством не попрекнёшь. Его стихи такого плана звучали проникновеннее, чем обычно было принято. Например, короткое признание «Родине» –

*Я знаю, что не слов красивых ждёшь ты,
Моя многострадальная страна.
Ведь ты слабей не станешь, оттого что
Не стану я твердить, как ты сильна.*

*Шинель сниму, мне мать пиджак примерит,
Я выйду ночью слушать соловья...
В любви клянутся те, кому не верят,
А ты ведь веришь мне, земля моя!*

Надо сказать, время переживалось в общем оптимистичное. Одна из ярких примет его – запуск первого искусственного спутника Земли.

Событие нашло широкий отклик в поэзии. Известный тогда классик республиканского масштаба Борис Шмидт написал:

*Тебе, читатель, строчкой броской
Свидетельствую, говоря,
Что спутник над Петрозаводском
Промчался, звёздочкой горя,
Пятнадцатого октября.*

Шмидт был хороший поэт, но в этом стихотворении не выразил ничего, кроме чувства понятного удовлетворения. А молодой поэт Морозов космическую тему затронул иначе, отнюдь не броско, вернее – совсем по-земному:

*На плите отдувается чайник,
Не спеша закипает уха...
– Между прочим, товарищ начальник,
В общежитии крыша плоха.
Не пойми, что вот этак ночью,
Я заную, что жизнь нелегка.
Только спутник Земли не хочу я
Наблюдать через щель потолка!*

Чувство успокоенности было чуждо автогерою Морозова:

*И понял я,
вчерашний воин,
Что после будней боевых
Покою
я обеспокоен –
Тем,
от которого отвык.*

Поэт не умел с происходящим вокруг безоглядно соглашаться. Тогда, например, естественная для Карелии «лесная» тема, как правило, оборачивалась темой лесозаготовок. Был такой герой труда, вальщик леса Готчиев, намного превышавший нормы вырубки. Уж не помню, кто воспевал его трудовые подвиги:

*Ходит Готчиев с бригадой,
Хороши его дела!*

А возможно, это запомнилась чья-то пародия на кого-нибудь из тогдашних авторов. Даже если так, в строчках отражено казённое поощрение трудового энтузиазма. Морозов подходил к вопросу куда более критически:

*Дребезжат над лесами початыми
Электрических пил голоса...*

*Что поделать:
бумаги с печатями
Разрешили калечить леса.*

Теперь думаю: не с подачи ли нашего общего учителя тему леса впоследствии успешно, интересно разрабатывал Виктор Сергин? Морозов вообще предвосхитил многое. Даже возникшая гораздо позднее популярная песня «Долго будет Карелия сниться», где «то ли небо в озёра упало, то ли озеро в небе плывёт», предвосхищена морозовским взглядом на красоту нашей природы:

*Я смотрю удивлённо и немо,
Папироса погасла в руке:
То ль река окунается в небо,
То ли плавает небо в реке...*

Причём взыскательного художника не устраивали просто мастеровитые поэтические отражения. Он доискивался до их более глубокого смысла:

*Вот озеро.
Красивее на свете
Никто из нас, пожалуй, не встречал.
И на него глядим мы, словно дети,
Попавшие впервые на причал.*

*В него лесные смотрятся массивы,
В нём – облака и солнце!
И оно,
Пожалуй, потому-то и красиво,
Что всё вот это
в нём отражено.*

Надо ли раскрывать подтекст этих строк? Он предельно ясен: речь тут не про дивный водоём, а про человека, ценность которого не во внешней привлекательности, а в содержательности души. Во внутреннем достоинстве. Эти азы этики В. Розанов выразил по-своему:

*...Суть «неба» не что «оно есть»,
а то, что «в нём есть».
В звёздах. В солнцах.*

Напомню, что одарённость Владимира Морозова довольно рано и, вестимо, не без прилежного труда привела его к писательской зрелости. А прожил парень всего-то 26 лет... Вот и думай теперь, каких бы вершин достиг он, кабы не прервал восхождение собственной рукой. Ту поэтическую высоту сегодня можно лишь дорисовывать – по вещам, оставленным у подножья.

Тут не избежать вопроса о самом смертном грехе.

Что толкает человека в петлю? Пример ли Есенина, Маяковского, Цветаевой? Но все они, как и Морозов, обладали здоровой психикой. Пожалуй, можно согласиться с автором книги «Писатель и самоубийство» Гр. Чхартишвили (он же известный детективщик Б. Акунин) в том, что «творчество – профессия опасная и заниматься ею могут только люди, у которых не всё в порядке с инстинктом самосохранения». Ничего более конкретного мы не узнаем никогда. Не судим, да не судимы будем...

Остались стихи, по которым виртуальный Владимир Морозов виден как живой. Как большой поэт. Мастер автологической речи, он весьма силен и в изобразительности. Его лёгкое и острое перо любовно обводит детали:

*Стара у клёна гимнастёрка,
А новой – клёну не дают...
Стопнулись камни у озёрка
И, словно овцы, воду пьют.*

*У валунов недвижно лодка
Лежит на желтизне травы,
Как пулей сбита пилотка
С солдатской бритой головы.*

При этом не упущено и время года, и житейская доля человека, чьими глазами всё увидено. В данном примере – это молодой солдат на месте былых боёв. А в лодке-пилотке северянин сразу узнаёт перевернутую возле воды «кижанку», без которой немыслима жизнь карельского рыбака.

На тех наших встречах Морозов рассказывал и о своей учёбе в Литинституте, в семинаре Сергея Васильева. Запомнились процитированные им строки мэтра: «И на крыле автомобиля сушила крылья стрекоза». Некоторое изящество образа было Морозову близко.

Я совсем не знал его как человека, но видел одно: всеобщее к нему уважение. Однажды сам почувствовал это, скажем так, материально. Причём через несколько лет после его ухода из жизни. Дело было так. Уже будучи студентом Литинститута, по наивности отнёс рукопись стихов в издательство «Советский писатель», благо находилось оно тогда неподалёку. И вдруг те вирши были одобрены, включены в план редподготовки, а я приглашён для заключения договора. Мне было объявлено, что ставка для авторов первых книг 70 копеек за строку. Зав. редакцией Егор Исаев спросил по поводу стихов о Карелии: – А Владимира Морозова знали? – Да, – отвечаю, – учился у него в литобъединении.

Малость помедлив, Егор Александрович ткнул пальцем в сторону секретарши: – Майя, ставь рубль сорок!

На том свете у меня уже тогда были большие связи, первый гонорар удвоился. Для студента поддержка немалая. Спасибо Володе Морозову! Надеюсь, простительно простецкое обращение «Володя» теперь, когда я его трижды перерос годами.

В стихотворении «Памяти Колумба и Магеллана» он писал как бы от их имени:

*Мы были храбры и неслабы,
Но вот... последний день погас.
Что толку в том, что наша слава
Придёт, когда не станет нас,
Когда в гробах своих забытых
Мы все истлеем без следа,
Когда, при жизни позабытых,
Нас не забудут никогда.*

Стихи Морозова не забыты на малой родине. Но они достойны памяти и ждут внимания также от родины большой.

□

Роберт Иванович ВИНОНЕН –

*член Союза писателей России,
действительный член Финно-угорской академии наук,
экс-президент Ассоциации финно-угорских писателей России,
доцент.*

Родился в 1939 году в Ленинградской области.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Работал в московских издательствах, заведовал кафедрой литературного перевода Литинститута.

*Автор множества поэтических книг, сборников переводов
и литературно-критических статей.*

*Почетный председатель объединения
русскоязычных литераторов Финляндии.*

